

Волна, было павшая, подымается съ новою силою. И какъ только первая попытка практическаго примѣненія новыхъ идей будетъ сдѣлана, онѣ предстанутъ во всей своей простотѣ, во всей привлекательности. Одна удавшаяся попытка — и сознание своей силы вдохновитъ народъ на героическій подвигъ.

Моментъ насталъ. Все способствовало его приближенію: нищета, голодъ и, главнымъ образомъ, безработица, вырывающая мыслящаго человѣка изъ тѣснаго круга его мастерской и бросающая на улицу, гдѣ онъ сразу познаетъ пороки и безсиліе правящихъ классовъ.

А въ это время что дѣлаютъ они, эти правящіе классы?

Тогда какъ естественныя науки развиваются съ неимовѣрной быстротой и безконечными открытіями напоминаютъ прошлое столѣтіе передъ великой революціей; тогда какъ ежедневно человѣку открываются новые горизонты въ его борьбѣ съ враждебными силами природы, — буржуазная социальная наука нѣма: она пережевываетъ свои старыя теоріи.

Но, можетъ быть, эти правящіе классы прогрессируютъ въ практической жизни?

О, нѣтъ! Они неистово перетряхиваютъ лохмотья своихъ старыхъ знаменъ, защищаютъ эгоистичный индивидуализмъ, конкуренцію человѣка съ человѣкомъ, націи съ націей, всемогущество централизирующаго государства.

Они переходятъ отъ протекціонизма къ свободѣ торговли и отъ свободы торговли къ протекціонизму, отъ реакціи къ либерализму и отъ либерализма къ реакціи, отъ атеизма къ ханжеству и отъ ханжества къ атеизму. Всегда запуганные, со взглядомъ, обращеннымъ въ прошедшее, они совершенно лишены способности создать что-либо болѣе или менѣе прочное.

Вся ихъ дѣятельность есть полное противорѣчіе всѣмъ ихъ обѣщаніямъ. Они обѣщали намъ, эти правящіе классы, обезпечить свободу труда — и отдали насъ въ кабалу фабрикъ и хозяину. Они взяли за организацію промышленности, сулили намъ благосостояніе — и дали безконечныя кризисы и нищету. Обѣщали просвѣтить насъ — и лишили возможности получать образованіе; обѣщали политическую свободу — и волокли отъ реакціи къ реакціи; обѣщали миръ — и привели къ войнѣ, къ войнамъ безъ конца!

Вотъ все, что они сдѣлали для насъ.

Народъ усталъ; онъ изнемогаетъ, онъ спрашиваетъ себя, до чего довело его управленіе вѣчно издѣвающейся надъ нимъ буржуазіи.

Отвѣтомъ ему служить современное экономическое положеніе Европы.

Кризисъ сталъ бѣдствіемъ хроническимъ. Кризисъ хлопчатобумажный, кризисъ металлургическій, всѣ кризисы разражаются сразу, чередуются непрерывно.

Милліонами исчисляется сейчасъ количество рабочихъ, оставшихся безъ работы; десятки тысячъ ходятъ изъ города въ городъ, прося подаенія или требуя съ угрозами работы или хлѣба. Какъ въ 1787 году крестьяне бродили по дорогамъ Франціи, не находя въ этой плодородной странѣ клочка земли для обработки, такъ теперь рабочіе остаются съ пустыми руками, не находя матеріаловъ и орудій, необходимыхъ для производства и захваченныхъ горстью бездѣльниковъ. Богатыя промысла внезапно гибнутъ; большіе города, какъ Шеффилдъ, становятся безлюдными. Нищета въ Англіи, гдѣ „экономисты“ такъ старательно примѣняли свои принципы, нищета въ Эльзасѣ; голодъ въ Италіи, голодъ въ Испаніи; безработица повсюду, а съ безработицей нужда, вѣрнѣе нищета: поси-нѣлыя дѣти, женщины, состарившіяся къ концу зимы на пять лѣтъ, болѣзны, косящія цѣлые ряды рабочихъ. Вотъ до чего довелъ насъ ихъ режимъ.

И они намъ говорятъ о перепроизводствѣ! Перепроизводство? Когда рудокопъ, собирающій груды каменнаго угля, не имѣетъ топлива въ самую суровую зиму? Когда ткачъ, вырабатывающій километры матеріи, принужденъ отказывать въ рубашкѣ своимъ оборваннымъ дѣтямъ? Когда каменщикъ, воздвигающій дворцы, живетъ въ конурѣ, а мастерицѣ, изготовляющей роскошныя наряды дамъ, нечѣмъ покрыться въ стужу?

Это-ли они называютъ организаціей промышленности? Это, вѣрнѣе, тайный союзъ капиталистовъ для порабощенія рабочихъ.

Капиталь, этотъ продуктъ труда человѣческаго, не долженъ быть употребленъ, говорятъ они, на земледѣліе и промышленность, какъ на предпріятія слишкомъ рискованныя.

Но гдѣ онъ находитъ себѣ болѣе выгодное помѣщеніе? Куда направляется онъ по выходѣ изъ